

ПО ЖУРНАЛАМ *

Двенадцатые номера — последние: или журналы заканчивают год. Завершается в этих номерах и целый ряд крупных романов, шедших из номера в номер.

Из крупных произведений, печатавшихся в истекшем году, нельзя прежде всего не отметить произведение А. Воронцова «За живой и мертвой водой». («Новый Мир», № 9, 10, 11, 12). На первый взгляд — это как будто и в самом деле воспоминания подпольщика-большевика. Но по существу это не совсем так. Читатель, который подошел бы к этой вещи с целью познакомиться с большевистским подпольем, получил бы, вероятно, очень мало нового. Многие другие воспоминания подпольщиков-большевиков гораздо лучше удовлетворили бы эту его потребность. Омысл этого произведения в другом. В нем автор раздумывает о сущности человека вообще и человека революционера, в частности.

Столкновение разума и инстинкта, личного и общественного во внутреннем мире интеллигента, примкнувшего к пролетарской революции, подлинного папутика рабочего класса — является проблемой целого литературного течения наших дней.

Из других крупных произведений следует, в первую очередь, выделить и обратить внимание читателей на роман Н. Кокина «Девки» («Октябрь» №№ 11 и 12). Кокин — новое имя в литературе и, тем не менее, он сумел дать яркое, выдающееся, запо-

минающее и заставляющее думать произведение. Кокин показывает деревню. Деревенские вещи у нас обычно скучны, растянуты и однообразны. На этот раз мы имеем очень короткий роман (уместившийся в двух номерах журнала), дающий до предельной яркости и густоты картины. Об основной идее романа дает понятие следующий эпиграф:

«Надоели латги поклам
Из латгой торчит солома,
Ножки тянутся в сапожкам
Из шевра ала из хрома».

Старая деревня рушится. Многими каналами соприкасается она с городом. Писатель показывает такую деревню, на которую влияет не только пролетариат, но и новая буржуазия города и разрабатываемые городские подонки. В деревне идет процесс преобразования, разрушения стародавнего уклада. Но наряду с этим, в деревне есть разврат, пьянство, человеческая истинность. В этой разлагающейся среде бытует и мрут в поисках выхода одиночки. Их выталкивает, заедает, физически или духовно уничтожает стихия. В этой беззастенчивой картине нет, однако, диссонанса. Одиночки, ищущие путей к пролетарскому городу, не все ломаются и не все сдаются.

В том же журнале «Октябрь» за последние печатания произведение другого молодого писателя — Шведова «Юр-базар». Это — лирическая хроника рабочей окраины, начиная от предвоенных годов и кончая нашими днями. Шведов занимает своеобразное место в пролетарской литературе. Он показывает рабочий быт и

производство и на этом фоне — переживания лирических людей в рабочей среде. Балетчи Мишка-Мышонек, вечный пьяница Фатуй, рабочий подросток Костя, влюбленный в свой завод и в то же время «во все ясное, сознающий свое одиночество и свою отчужденность на родном заводе» — таковы основные фигуры романа.

Интересны рассказы Л. Леонова — «Белая Ночь» и П. Тихонова — «Река и пляжа» (в 12-й книжке «Нового Мира»). Оба рассказа показывают людей, движимых не разумом, а темными силами подсознания, которые якобы не могут быть ни познаны, ни поняты. Мир — хаос, — лишенная пригипной связи явления. Как призраки, возникают из «ничто» люди и события. Рок, «фатум» тяготеют над человеком и миром. К такому мироощущению скатываются Леонов и Тихонов.

Роман Эренбурга «Заговор равных» («Красная Новь», №№ 11 и 12) рисует трагическую фигуру Бабефа, пролетарского революционера буржуазной революции. Эренбург сохранил свое умение дать напряженно-сюжетное повествование, но отказался от своих худших свойств: в «Заговоре равных» не чувствуется лишнего зубоскальства, лигилистического наивательства на все и вся.

В романе много недостатков: из них главный в том, что автор не сумел показать связь Бабефа с французской буржуазией.

Роман Артема Веселого — «Россия кровью убитая» («Новый Мир», №№ 10, 11 и 12), — не вносит существенно новых черт в творчество этого писателя. Все та же партизанщина, матросская вольница, «дикая кровь» революции. Артем Веселый, попрежнему идеализирует стихию революции, не замечая ее организующей пролетарской, разумной доли.

Совсем неудачен роман Островера «Председатель треста» («Молодая Гвардия», №№ 10, 11 и 12). Ложная проблема, положенная в его основу (якобы изл сводится к производству предметов роскоши для буржуазии), и художественные типы, мучающиеся вокруг да около этой несуществующей проблемы, лишают роман всякого интереса.

«Молодая Гвардия» дала несколько интереснейших рассказов. Из них следует отметить «Ночь четвертого августа» О. Эрдберга, сумевшего в маленькой, остро и своеобразно построенной новелле проникнуть в самую глубинную социальную сущность китайской революции.

Интересен и очерк о мощной бу-мальной фабрике «Курза», Виктора Дмитриева. Это чрезвычайно интересный писатель. Его пафос — техницизм, индустрия, изобретательство, борьба со стихией природы и обуздание ее; не переделка общества, а передача природы, привлекает внимание Дмитриева.

Это пафос технической интеллигенции, советского инженерства.

На одном пароходе встречаются тоскующая провинциальная барышня, попрежнему восклицаящая «в Москву, в Москву» и молодой советский инженер, отправляющийся из Москвы на желанную работу сюда, в мок, в сочи — строить электродинамомеханический город. Два мира глядят друг другу в лицо, — пишет Дмитриев. Но эфир пролетариата и мир буржуазии стоят здесь друг против друга, а одна часть интеллигенции против другой ее части.

Своими яркими рассказами, прославляющими машину и ее властелина-инженера, — Дмитриев зачинает новую интереснейшую струю в современной литературе.

А. БЕК

* «Красная Новь», № 12, «Новый Мир», № 12, «Молодая Гвардия», № 12, «Октябрь», № 12.